

Настасья Яницкая

Сколько длится тишина на Сатурне

(сны, записанные под утро)

Настасья Яницкая

Сколько длится тишина на Сатурне. (сны, записанные под утро)

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=43722503
ISBN 9785005035684

Аннотация

Воспоминания и бытописания Настасьи, очерки текучей и текущей жизни, смешные истории, размышления о литературе, природе и наблюдения за растущим сыном.Волшебная нить литературного творчества. Книга содержит нецензурную брань.

Содержание

снился ангел в растянутом свитере	7
вот это самое обидное	9
очень удачно вспомнилось	11
по утрам	12
…из информации, которая бесполезна, но твой мозг помнит:	14
хочу	15
я выходил к тебе из полутьмы	17
вчера захотела платье	19
пока все готовятся к Самайну, зажигают свечи и переживают дни безвременья	20
не хвастаюсь, но объясняю	22
о гендерных стереотипах и собачьей психологии	24
утренний кофе священен	25
в троллейбусе	26
одна хорошая девонька	27
птички живут в клетке	30
девичьи слёзы	31
из жизни мегаполиса	32
про любовь	34
короче, снился давеча сон	35
сын	37
иду вчера	38

решила сменить шаблон 39
всегда считала 40
сейчас расскажу хорошее о людях 42
однажды 46
у японцев 48
про медитацию 51
утро откровений 54
я всегда говорю 57
вот о чём я действительно жалею 58
значит, у меня есть банка 61
сидела в парке 64
при шизофрении 65
вот у меня собака была 66
чтоб не разочаровываться – не очаровывайся 67
здравствуй, суббота зануды 69
сходила на базар 71
или грибная похлёбка 72
трагическое 74
предсмертные стихи самураев – то еще явление 75
сверчок живет за холодильником 78
терпеть не могу лето 79
девонькой быть 81
вчера вычитала 82
ящер охотится как бог 84
лежу 85
импозантный, пожилой 86

40 минут тишины. По 56 слов 87
детство пахнет 90
По прогнозу – облачно 91
ну что, вот уже легендарное 94
жизнь как сказка 96
о любви и смерти 100
давала мальчику задания ежевечерние — 101
ночью снились 102
из жизни натуралиста-неудачника 105
капитан очевидность вещает 106
Настя любит слова 107
Конец ознакомительного фрагмента. 109

Сколько длится тишина на Сатурне (сны, записанные под утро)

Настасья Яницкая

Редактор Татьяна Плунгян
Иллюстратор Настасья Яницкая

© Настасья Яницкая, 2019
© Настасья Яницкая, иллюстрации, 2019

ISBN 978-5-0050-3568-4
Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

снился ангел в растянутом свитере

Он жил в нише под балконом, и говорил, что если не смотреть вниз, то это то же самое, что под самой крышей. Над лежанкой его висели пустые бутылки, некоторые в футлярах из синей кожи, горны и ветхие карты. Звали его Ариел. Встретились мы в подворотне, где я убегала от двух здоровых детин, гнавших меня через весь город, как зайца. Он вышел из-за угла, в растянутом свитере, с бутылкой в руке, сделал огромный глоток, усмехнулся и со всей силы ударил одного. Второму сказал какую-то гадость и плюнул в след. Я хлопала глазами, видела перед собой помятого алкоголика с фиалковым лицом да алыми ссадинами. Он взял меня за руку, покачал головой, и повел за собой.

Он мне говорил: имя мне Ариел. Я нашел тебя однажды, но дальше придется находиться самой. Запоминай дорогу. Всегда. Пока не вспомнишь все. И я запоминала. Если пройти через подворотню, и свернуть направо, то через лавки старьевщиков выйду к центральной площади. Напротив балкона, где он жил – был большой магазин с вывеской. Это был мой маяк. Чуть дальше, за желтыми домами крохотного города, протекала река. И был левый берег. Никто туда не ходил. Однажды я зашла к часовщику, увидела красивые часики, как маятник на цепочке, и забыла все. Все дороги, балкон, где искать. Только вывеску помнила магазина напротив.

Тогда, я села у реки и стала смотреть, как течет время. Так и сидела, пока ночь не проглотила город. Вернулась к ангелу немного после полночи. Он снова пил. «Жаль ты не можешь сходить за ромом», – говорил он дни напролет. Дни сменялись ночами. Думала это потому, что у меня нет денег. И вот, когда я пришла и увидела, как он пьет, я сказала ему: все вспомнила. Меня убили по ту сторону реки одним майский вечером. Так и не нашли, потому что никто не ходит на тот берег. Никто, кроме ангела ставшего бомжом. Тогда он посмотрел на меня, внимательно так, будто бы я армия насекомых, и готова биться насмерть и ответил: чудеса случаются во всех. А затем прозвенел будильник.

вот это самое обидное

Бредёшь к этому своему счастью, визуализируешь его, придумываешь, уменьшаешь аппетиты, уговариваешь себя, мол, мироздание ничего мне не должно – ни утешений, ни пониманий. И однажды-таки смиряешься с обстоятельствами. Как если бы ты Мустанг и Сетон-Томпсон почти о тебе писал, но там, на краю ты струсил и подошёл к человеку, вроде как принял неизбежность. И, смиренномудрие, это же тоже добродетель, утешаешь ты себя, и счастье, оно отрывками и бывает, это же только ловкость ума и рук, будто ты промокашка в какой-то тетради, только и можешь кляксы впитывать, чтоб чистовик не испортить. Вымаливай да помалкивай, что еще тебе надо, если не вышел из тебя ловкач?! А потом, однажды, просыпаешься счастливым. Тихо так, без этого пафоса громких слов, где о бесконечности и наивысшей степени. А просто – счастливым. И так много дней кряду. И вот, когда ты на пике, и понимаешь – так тоже можно, вот об этом говорил Фрейд – что счастье это когда непроизвольно получаешь то, в чём отказывал себе всегда. Все детали начинают складываться, и те, что о ловкости, и те, что о лёгкости. И лето такое ласковое и деревья над тобой шумят по-доброму, и вообще – всё здорово. Именно в такой день за тобой приезжает серый рафик с белой полосой. Ты протягиваешь ноги уже внутри. Даешь деньги, сколько там

положено по нынешним тарифам? 5.50? Рядом, кряхтя, усаживаются ветхая бабулька, юноша, пегий пёс с оборванным ухом и дед с клетчатой сумкой. И ты оборачиваешься через плечо и грустно так:

– Твою ж мать, Харон, ну можно было хотя бы по одной душе за раз?

Но, Мустанг выбрал свободу. Как там заканчивалась повесть: «Все выше и выше взбирался мустанг и достиг отвесного утеса. Оттуда он спрыгнул вниз, в пропасть, и летел, сорвавшись с высоты двухсот футов, все вниз и вниз… пока не свалился наконец на камни. Он остался лежать там бездыханный, но… свободный».

А Харон хлопает дверью, щурится и сквозь зубы, но беззлобно цедит:

– А у нас тут литературный флеш-рояль. Не смог отказать себе в удовольствии собрать всех вместе.

очень удачно вспомнилось

что в нежном возрасте собиралась сходить (не путать с «выйти») замуж за Глызина.

В честь такого важного воспоминания, полезла подключать мониторы, чтоб захренячить погромче: Зимний сад. Пришлось произвести некие манипуляции, в следствие которых (из живых никто не пострадал), холсты на сосновых подрамниках с грохотом повалились зацепив за собой синюю бутылку, что не выдержала суровых объятий пола, рассыпалась на очень острые стекляшки. В итоге – довольная вспоминаю тот свой нежный возраст, побежало-зелёные обои, квартиру на Подоле, проигрыватель и холодный расчёт пятилетней девочки. Подумаешь, что выковыриваю эти противные стёклышки, которые, к слову ломаются прям в пальцах, оставляя гранатовые кляксы на полу.

по утрам

с удовольствием и радостью, хожу свои честные пять км. Иногда слушаю Дмитрия Борисовича, иногда Бориса Борисовича.

Дмитрий Борисович тоже любит ходить. Только он ходит в три раза больше и точно сам себя не слушает. Оба два много говорят о смерти, любви, людях и цитируют не живых мастеров слова.

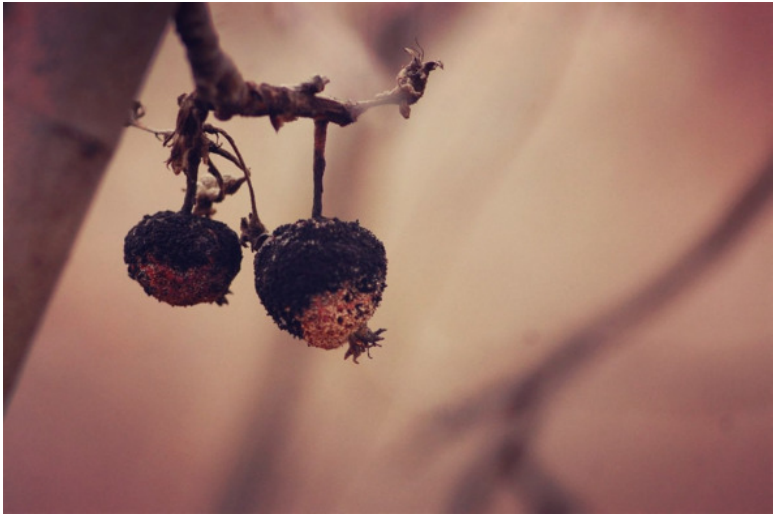
Дмитрий Борисович не очень любит людей, зато любит собаку Чуню, умеет шутить и может сказать – от чего у него сжимается сердце. Борис Борисович просто терпим ко всем, мудр и светел (и молчаливо мною обожаем).

Каждое утро, уже не первый год, кстати, наблюдаю разнообразных людей, зверей и читаю\возвращаю надписи. Вот сегодня, например, познакомилась с двумя милыми дамами возраста середины ноября. Одна была в начале пути, и рассказала, как именно надо оставлять белкам гостинцы и какие деревья они знают. Рассказала о старом зверьке, что не боится людей и спокойно берёт с рук еду, придерживая пальцы лапкой. Показала дупло, в котором хранится запас на зиму. Так что я теперь знаю о белках много больше.

Другая, уже ближе к декабрьским женщинам, с удивительным макияжем, уговаривала купить пирожок, который вот-вот из печи. И не потому что «купите же, ну купите же»,

а потому что «деточка, ты так смотришь точно не завтракала сегодня. А ну возьми вот этот – тебе понравится, милая. Нельзя не завтракать!». Еще была майская девонька, солнце падало через витрину ей на волосы, она смеялась и отсчитывала сдачу, пока я шутила про морковный сок внутри сладкого ноября.

«Ну так вот и старайся – вспотевший, воскресший, больной
записать эту линию жизни на рваной бумаге
(электронной, древесной, зеленой, небесной, любой)
и за это я буду тебе – как и все – благодарен.» Д. Водеников



…из информации, которая бесполезна, но твой мозг помнит:

кроме факта (который я не знаю, зачем знаю), что эрегированный половой орган самца гориллы достигает аж трёх см, самцы гориллы еще очень гордые. Т.е. если вам случилось встретится с двухметровой махиной, что весит около 300 кг. – достаточно просто скрутится калачиком. Он (горилла) посмотрит на вас, как на говно, и пальцем не тронет. Потому что лежачих не бьют (не царское это дело), а вот это, на земле, и так являет собой несчастье и похоже на мёртвого опоссума. Вообще не интересно. Другое дело, если человек попробует проявлять свое превосходство, тогда, собственно и понятно, почему я помню странные факты из мира животных.

хочу

лапшу удон, маринованные яйца (куриные), деревянные тарелки и классический глиняный горшок.

В горшке бы сварила грибную похлёбку, возможно даже с клёцками. Присыпала бы тоненько нарезанным луком-пореем, если бы не нашла шалот. Удон на полированном дереве смотрелся бы вообще отлично. Особенно, если варить на курином бульоне с добавлением соевого соуса. Потом добавить немного зелёного и красного цветов – горошек, например, перец, присыпать всё кунжутом. Сбоку, разрезанные на половинки – маринованные яйца. Как их принято называть – яйца самурая. Нажарила бы греночек, нежных, как августовское солнышко. Смешала бы помидор, базилик и фету, потому что греночки без этого всего – пусты. Заварила бы чай с мёдом, базиликом и имбирём, и села бы довольная смотреть на ноябрьский закат. А не вот это вот всё. Вот это всё – не хочу.

Зато, иногда читаю материалы научной конференции по теме «Оборотни и оборотничество».

Среди прочего узнаю прекрасное из европейского 14 века:

Bzou – это человек, которым овладели извращенные желания и он превратился в животное. Имеет человеческое тело, и клыки. У него глаза человека, выражающие невыразимое вожделение. А вот уши вытянутые и острые. Говорит пре-

красным человеческим голосом. У него очень сильная воздействующая сила, поэтому все ему верят.

я выходил к тебе из полутьмы

и ставни дома, вымерзших за лето окон, роняли стёкла в пропасть подворотен. Я выходил к тебе из полутьмы, из снов, из скрипов вымощенных охрой тротуаров, из шума опадающей листвы, такой, что пёстрыми плевками случайно замирала от глухой тоски.

По небу венами ползли кривые вязы, захлёбываясь откровенной наготой, и солнце таяло, впиваясь на прощанье, ослепшим полукругом, в горизонт. Я вниз летел, теряя память, и разливался лужами солёных вод, и обнимал тот дом, где ты жила на стыке всех времён, на улице, которой больше нет на картах.

Я выходил к тебе из полутьмы, разорваны границы всех империй, и в целом мире больше ни души, есть только скрип приклеенной к стене зелёной двери, и лестница, ведущая наверх, к твоей пропахшей табаком квартире, и та – обрывком каменным теперь являет пустоту, дыру с осиротевшими корнями вязов.

вчера захотела платье

Маленькое черное. Или футляр. Пошла в специальное место. За платьем. Нашла идеальное, самое (мама, не читай) уёбищное из всех, которые когда-либо видело человечество. Вязаное, неопределенной длинны, рукава – разочаровательные, но с вышивкой-аппликацией по подолу. Грибы, домики, растения и прочая муть, что особенно нравится шизоидным девочкам. Оно было так прекрасно и ужасно одновременно, что духу прикоснуться не хватило. Нет, я вовсе не жалею, что оно вот там, в одиночестве, а я тут сажаю лилию в аквариум и собираюсь жарить котлеты. Просто восхитительный кошмар на грани гения и фола – это всегда как холодный душ. Т.е. на любителя. Но, если бы у меня был большой дом, я бы спасла его (платье). Сначала спела бы ему про лапы у елей и всё равно я отсюда тебя заберу, потом натянула бы на манекен (который из ателье, а не огромная и жуткая кукла), поставила бы у окна и трагично так, по-цветаевски сказала: соглашайся хотя бы на рай в шалаше, если терем с дворцом кто-то занял. Вот такое восхитительное платье я видела.

пока все готовятся к Самайну, зажигают свечи и переживают дни безвременья

расскажу об интересном у славян, а именно о Курьих Именинах.

Праздник Кузьмодемьяна (в честь божьих кузнецов, бессребреников и кудесников) отмечал в народном календаре начало зимы. Девицы-красавицы в послеполуденный час оккупировали избу, предварительно походив по деревне и собрав продуктов к ужину, пекли пироги и варили пиво. Разумеется, параллельно они ритуалили и просили об исцелении, о просвещении разума, о мире, любви и прочих девичьих радостях. К вечеру приглашались музыканты и яры-молодцы и начиналось веселье, что скромно называлось «женихание».

Что интересно, если праздник в христианской традиции приурочен святым братьям Косьме и Демиану, то в народной традиции есть легенда о Кузьмодемьяне, первом кузнеце, чья кузня была в 12 вёрст, имела 12 дверей и первый плуг был создан им. Об этом рассказывается в книге: А. А. Коринфский, Народная Русь. – М., 1901.

Кузьмодемьян спас человечество от змея-аспида, запряг его в плуг и проорал вал – разделив мир на две части. То же самое можно прочесть и в былинах про богатырей. Имена

меняются, а змей и вал – нет. Этот вал в народном сознании был границей между светом и тьмой, средним и нижним мирами.

Так как праздник, всё же, назывался Курьими Именинами, то кочеты и блюда из курицы занимали главенствующие места на столе. Это тоже закономерно, ведь петух/курица мифологическая птица, что одновременно символизирует и солнце, и возвращение из мёртвых. Так что у нас тоже был свой собственный Самайн – о жизни и смерти, границе между светом и тьмой.

не хвастаюсь, но объясняю

вот у меня дуальный тип мышления (я свято верю, что и у всех вокруг – тоже). Только не тот дуальный тип, что в новомодных статьях про духовный рост, гуризм, манипуляции и прочую лабуду, а классический – по Уильяму Джеймсу.

Т.е. упрощая – это когда ты можешь и закатить истерику (как девонька), и усмирить ту часть, что закатила истерику (соответственно, как не девонька). Т.е. мышление работает в двух контролируемых плоскостях: и стратегической, и тактической.

Сбои, разумеется, бывают. Особенно на стыке сезонов, но это одобрено Минздравом. В любом случае: в каждой маленькой девоньке живёт большой бородатый дядька, а в каждом большом бородатом дядьке живёт маленькая девонька. Так вот, мышление, как абстрактное явление – лучше представлять в картинках.

Когда я говорю, про маленькую бабу в голове, это значит, что на повестке дня интуиция, эмоция и драматизм перетянули на себя одеялко, и в кромешной тьме, заламывая по-ахматовски руки, тактическое мышление задаётся вопросами бытия, справедливости и прочих экзистенциальных разочарований под какую-то невыносимо тоскливую музыку. В то время, как стратегическое мышление, которое можно назвать – Рацио, делает жест рука-лицо, и не найдя зачатков

логики – удаляется. Иногда (они же контролируемые) эти две модели, Маленькая Баба и Рацио встречаются на одной территории:

Маленькая баба: Господи! Да я даже у креветок мозг вижу! Почему у людей он заметен не всегда?! Как они живут-то?!

Рацио: Если ты считаешь, что это огромное тёмное пятно в районе головогруди – мозг – вынужден огорчить. Это желудок. Мозг у креветки имеется, но размером с её же глаз. У человечества, гипотетически, есть шанс.

о гендерных стереотипах и собачьей психологии

Голуби на фоне собаченьки – откормленные фазаны. Гуляя по мокрым улицам стало понятно, что имя Микстура не совсем удачное. Куда более подходящее – Сара Бернар. Ходит исключительно по тротуарам и чистым дорожкам. Смотрит своими блестящими глазёнками и будто, говорит: «В смысле, в листья идти? Тебе надо, ты и лезь туда!»

И не идет. Обходит. Трогательно заламывает изящные кисти и драматически дрожит. Но апогеем стала, конечно же, еда. У нас, в большой семье, клювом не щелкают. Есть еда в миске – восторг, драка, перформанс. Но, не для Сары Бернар. Из мисок они не едят. На второй день, до Настеньки дошло – девонька любит изящество. Предложила ей отзавтракать из хрустального блюдечка, и знаете что – из него она ест. А из миски – нет.

утренний кофе священен

Впервые, за многое время, сбежавший кофе – священен вдвойне, так как даёт полное представление о самом себе. Своевременно.

Ночью снился снег, тоже впервые за долгое время. Снег снился всё лето насквозь, покрывал собой мои книги, моих людей, мои города. Я ходила из ночи в ночь по белым полям, по чёрным стенам, в длинной антрацитовой юбке, и раскапывала свои книги, своих людей, свои города. Почти все лето мне снилась выматывающая, полярная ночь. Однажды, я поняла, что нельзя тянуть за собой это все. Надо оставлять. С книгами расставались особенно горько. Первыми падали в снег наименее важные для той парадигмы, а именно Фрейд и Кант (не знаю, что творится в голове этой конкретной девочки, но Кант? Серьёзно?!). Потом, не без труда, я оставляла в покое людей, и с особым скрипом – города. В одну ночь ко мне прилетела белая сова, и села на плечо. Я, как обычно, набирала пригоршню снега, чтоб чувствовать холод, и смотреть, как он тает. Не почувствовала ничего. Это был последний сон из полярного цикла. Так вот сегодня мне приснился рассвет, следующий за той долгой ночью. И я видела, как с бледного неба падает первый снег. А всё из-за сбежавшего кофе.

в троллейбусе

включили цветомузыку. Поручни светятся тоже. Аудио сопровождение: «скрип колеса» Саруханова. Что-то в этом есть удивительное. Боюсь представить, что делается в троллейбусе когда все спят.

одна хорошая девонька

посоветовала мне завести влог и рассказывать смешное о животных. Сказала: я бы смотрела. А это, знаете ли, весьма серьёзный аргумент. Тогда я еще пошутила, мол, и называться он должен – Для родителей: «Почему не нужно заводить животных». Влог я, конечно, не заведу – у нас с камерой отношения не завязались еще со времён моих проб на ведущую новостей, а это было стыдно признаться сколько лет назад. Но, текстово я могу.

Почему не нужно заводить ящериц.

Ящерицы – прекрасные твари. До сих пор не понятно, как, а главное почему они выжили. Потому никогда нельзя забывать, что без человека у ящерицы много больше шансов на существование, чем с. И всё бы хорошо, если бы не их еда. А именно, червячки с щупальцами и банановые сверчки, которые, к слову, выглядят не очень так. Вот совсем не очень.

Ящерицы, которые не веганы, едят подвижный корм. Наблюдать за хищником, что сидит в засаде, готовится, выслеживает жертву, делает рывок и промахивается – сплошное удовольствие. Это я как натуралист заявляю. Корм, который личинки зофобасов (слышите, в название проскакивают неуловимые Фобос и Деймос – правильно слышите), безрадостно расстаётся с жизнью. И хватается за любой шанс. Как правило, этим шансом оказывается человеческий палец.

Зофобасы кусаются.

Конечно, можно выкрутится и доставать их ложкой или пинцетом, но в последнем случае если не рассчитать силу, червяк издаст чвак и совершенно не привлечёт голодную ящерку. А голодная ящерка расстраивается и уходит в нору, поворачивается ко всем хвостом и не реагирует. Ну, или пытается сбежать. Ящерицы отличные беглецы. Там где недодали ума, дали ловкости. Однажды, сбежавший ящер два дня жил на батарее в джинсах. Нашла, когда надевала. Но это джэкпот, обычно так не везёт. Точнее – везёт, но не так. Ну вот, второй вид пищи – сверчки. Купить их, кстати, не беда. Беда их содержать. В мире сверчков я известна как кровавый\голодный террор. Они меня не любят, да и я их еще больше. Зато ящерица ну очень любит сверчков. Короче, сверчки каннибалы. Если им кажется, что еды мало, а едят они нормально так, они забивают самого слабого и толпой его жрут. Причем половозрелый самец всегда будет сверху. Выглядит, как кадр из фильмов про зомби, и я, кстати, не шучу. Из хорошего: половозрелые самцы издают звуки, напоминающие летнюю ночь в Крыму, когда ты еще мал и бесконечно счастлив. Из плохого: если песня длится долго, значит, кто-то у вас сбежал и радостно прыгает по квартире. Сверчки – тоже беглецы от бога.

Человек, в принципе, привыкает ко всему, даже к виду банановых сверчков. Вполне возможно, что нескольких вы потеряете, точнее, они убегут в процессе отлова, и одним ран-

ним утром произойдет невероятная, полная эмоциональных фейерверков, встреча с огромным сверчком в ванной. Как у меня сегодня.

птички живут в клетке

Клетка стоит на холодильнике. Холодильник – лучший друг семьи, почти два метра в высоту. Птички следят за уровнем адреналина некоторых членов семьи. Например, за моим. Знаете, как тоскливо орёт самец по умершей самке? Я вот знаю. И мне не нравится, хотя глубина испытываемых пернатыми чувств – поражает. Утро. Слышу, глас сверху только один. Хожу и думаю: блаженны неведающие и нищие духом. Не готова я доставать тело бездыханное. Спор ангела с бесом передавать не буду, но искушение знанием ещё ни одна баба не прошла. Ну, и я тоже. Залажу на табуретку, смотрю – живы все, но притворяются сирыми. Под пристальным кошачьим взглядом, наполнила кладки едой, успокоилась, села кофе допивать, а эти шары в перьях сели на жердь и давай швырять в меня зернами. И прицельно же. И сидят, будто ржут. Так я поняла, что птицы живут в цирке, и я главный клоун.

девичьи слёзы

они такие:

– какое ваше главное достижение?

– научилась подключать макросы к экселю. самостоятельно.

из жизни мегаполиса

Вызвала такси на определённое время за полчаса до того, как. Потому что молодец и потому что спешу. Таксист попался, как я люблю, – медленно растягивающий слова и задумчиво формулирующий бесцветные предложения. Разумеется, он приехал раньше оговоренного времени. Не, на самом деле, я понимаю, я же тоже невротик.

– Спешуууууу ваааасссс обрадоооооовать, у вас нет предзаказаааааа, – говорит мне голос в телефон, и я, честное слово, не специально, мысленно вижу тарелку дымящихся ленивых вареников, – нам придёёёётся как-то это урегулироваааааать.

– огорчить.

– АААаась?

– говорю, меня вы – огорчаете. Себя – радуете.

– нуууууу выыыыыы понялиииии же.

Сажусь в машину, даже не смотрю, потому что уже начинаю злиться. Короче, выступила, сжато и сухо. И о предзаказе тоже.

И тут он такой: А как ехать будем?

А я правда – очень спешу. И опаздывать не люблю. И таксисты у меня чаще хорошие, чем такие. И я, как бы, все понимаю, но нет.

– Как быстрее будет, – отвечаю. – На Нивках пробка, зна-

чит делаем поправку на неё.

– Хорошо, – радостно говорит человек и вбивает что-то в навигатор.

Нет, я же не шофёр. И водить не умею. И учится не буду, я со своим пространсвенным кретинизмом даже на велосипеде ездить не планирую, и конечно же, я не буду рассказывать человеку, как ему свою работу выполнять. И очень зря. Короче, я знаю три быстрые дороги, как добраться от работы до школы. И это не предел, их много больше, просто я не все рассматривала. Можно еще ехать через Телиги, но кто ж так делает?! В час пик?!

И вот, я увидела, кто так делает – Тарелка ленивых варенников. Около Петровки я разозлилась окончательно, и в глазах у меня начали проскакивать искры. В общем, я, когда злюсь, выгляжу как фурия. Молчаливая, каменная фурия. Таксист почувствовал, занервничал, и начал искать варианты выезда из бесконечных тянучек. Нашёл. Прибавил газу. На телефон даже упала смешная сумма за неудобства. Или хрен знает за что. Но, вот это вот «урегулировать придётся», «и как будем ехать» – зря он так.

Б – безнадёжность.

– девушка, с вами можно познакомится?

– в последнее время я слушаю «Последние танки в Париже». Подумайте еще раз над своим вопросом.

про любовь

Только не ту, где хомяк в роли Иисуса учит пониманию смерти, и не ту, где собаченька безвозмездно, только за твоё существование, тебя обожает (хотя тут ещё заработать надо), а про ту, всамделишнюю, где ты любишь, а тебя терпят. Про котов, короче. У нас, у сильных и независимых баб как бывает, сидишь вся такая, на ложе царском, в чертогах своих, повелеваешь и властвуешь. И отвлечёшся на секундочку, а какая-то коварная мыслишка хлоп, и скатилась с уголка глаза скупой, единственной слезой. И тут приходит она – кошка. Не любила, кстати, вполне взаимно, как мне казалось. Приходит, смотрит на владычицу морскую (меня то бишь), становится на задние лапы и давай слизывать это недоразумение из глаз. А потом смотрит, пристально так, нежно, и все становится просто и ясно. И оказывается, котики – это о взаимности.

короче, снился давеча сон

А у нас, невротиков, какие сны обычно – разумеется, образные и преисполненые скрытого трагического символизма. Значит, в ларьке около Золотых Ворот купила вафельку с шоколадом и орешками. Вафельку сделали при мне. Кондитер, что делал вафельку – кучерявый француз, слова ему не идут, но глазами зыркает и смотрит на реакции. Ну, думаю, молчит и прекрасно. В кармане у меня дюжина крошечных баночек, для очень важных дел, которые я еще не придумала, но в уме держу их. Сожрав вафельку, киваю, говорю французу: Спасибо, внезапно, очень вкусно. Француз щурится и кивает в ответ. Ухожу. Тут звонит телефон. Смотрю – номер скрыт, говорю: алло, а дальше подсознание говорит со мной голосом противной бабы:

– Здравствуйте, вы ели сегодня вафельку у такого длинноволосого кучерявого блондина?

– ну?

– а вы вот знаете что он, между прочим, приехал из самого Парижа, где учился у одного из самых лучших кондитеров, и у него сертификат есть?

– ближе к делу

– Так вот он закончил курс с отличием, и стал звездой мирового уровня! Он спокойно может…

– еще ближе к делу

– Его торты и капкейки занимали призовые места…

– Та мне плевать, суть вопроса в чем?

– а суть вопроса в том, что такой звезде нельзя говорить «внезапно, очень вкусно!» Вы оскорбили мэтра! Вам запрещено приближаться ближе чем на 200 метров к его гениальности и есть всю нашу продукцию.

диалог закончился, разумеется, моим ором и указанием направления физиологического характера, куда всем жертвам, защитникам и продукции стоит отправится. Засовываю телефон в карман, натыкаюсь на крошечные баночки, радуюсь им, и думаю: нужно срочно изменить тактику ведения деловой переписки.

намекнул, что приличные мамы не прыгают вокруг безголового мышонка и не предлагают препарировать. Намекнул, что приличные девочки вообще-то морщатся и визжат. Потом добавил, что приличные часто скучные.

иду вчера

домой, злее адового пса. Как замёрзший адов пёс. Вижу, а у меня две тени, и вторая движется примерно в том же темпе. Маленькая баба внутри головы язвительно хихикнула: ну давай же, испугайся собственной тени.

Прикинула наличие фонарей, посмотрела сколько теней у всего вокруг, поняла – не моя. Невзначай вытянула наушник, чтоб же ж если слепая, так хоть не глухая, завернула за угол, скинула с плеча рюкзак, резко развернулась, думаю: «кто дурак, так тому и надо». Несколько секунд спустя нагоняет меня та самая тень, присматриваюсь – муж. Изображаю бровью удивление и возмущение одновременно. Говорю, ты б еще додумался меня за плечо схватить. Короче, признание и откровение:

– А я вот это шел и думал, когда же ты меня заметишь, а ты такая молодец, не оборачиваешься, паники не изображаешь, не тупишь.

– А могла бы и ударить.

– Так я вот оценил твои реакции/намерения и резко передумал.

С утра звонит бабушка: Настя, вы там с мамой осторожно ходите, у вас на районе маньяк появился. В новостях передавали, гнался за какой-то девушкой.

решила сменить шаблон

и поехать на работу на маршрутке. Променяла сорок минут прогулки, на столько же пробки. Зато, прочла переписку Цветаевой и Пастернака. Удивительное. Марина говорит (перефраз): герой ведь не создаёт площадь. Это площадь создаёт героя. Все мы, каждый, просто улицы со своими тупиками. Вы не понимаете, как Адам может любить одну только Еву, а я в свою очередь не понимаю, как Еву может любить весь остальной мир. Наверное, потому что сама никогда не была Евой, но всегда была Психей. Ева как хозяйка, Психея, как гостья, не материальное.» там ещё много интересного, и как сын её родился во время взрыва, и как посвятила она его Пастернаку. И как умер Рильке, и как легко быть Есениным, и как стебать Маяковского. Советую, короче. Отлично, что случаются пробки.

всегда считала

что место перед кабинетом педиатра – один из филиалов ада на Земле. Таких я знаю много. ЖЭКи. Министерства образования. РайОНО. Собрания различные. Избирательные комиссии, где ты считаешь голоса. Травматология, кстати, записана в конкурирующую фирму. В общем, все места где собираются люди в больших количествах с обострённым чувством справедливости.

Шел девятый круг дантового ада, в котором, как мы помним, живут предатели. С восьмого круга просачиваются обманувшие не доверившихся, но жесткая цензура фурий, что удерживают кричащих во весь голос младенцев – не дают им шанса. Лимб остался далеко позади, Харон (который лифт) уплыл и сразу же стал бесом, а не перевозчиком. Сидим значит, выискиваем взглядом Брута и Иуду, потому что там, где они – там и страдания.

Прежде чем мой медленный мозг заорал во весь голос «опасность», над нами с мальчиком нависла тучная фигура, что изъявила желание поучаствовать в терзаниях и присоединиться к нашему сформировавшемуся девятому кругу. Дальше зависла немая сцена. Краснощёкая женщина (именно женщина!!!) смотрит не отрываясь мне в глаза и не узнаёт меня (по крайней мере, я так себя успокаиваю), а я, в свою очередь, очень хорошо её узнаю. Маленькая баба внутри

моей головы начинает заговорщически шептать: «ты меня не узнаешь, тебе не хочется говорить, ты впервые меня видишь». От перспективы общения, на горизонте замаячило дерево Заккум (это в Коране дерево специальное, чьи плоды поглощают грешники, а плоды не простые, а в виде голов дьяволов). Короче, глаза мои заслезились сами по себе и словила я приступ кашля. Мальчик похлопывал меня по спине, и очень участливо повторял: «Тихо, тихо! Бедная моя, сейчас мы сходим за справкой и домой пойдём». А потом туда, в сторону той одноклассницы: «Мася не может разговорить». И всё.

Какой клёвый сын у меня.

сейчас расскажу хорошее о людях

Посчастливилось мне однажды, глубокой ночью, ехать с таксистом, который помнит выступление Агаты Кристи в ДК КПИ сколько-то ни о чем не говорящих мне лет назад. Голос у таксиста, будто сам сэр Луи отложил свою небесную трубу и спустился к нам, неразумным. И вот мы едем, слушаем ту самую Агату Кристи, и я ему говорю: Вы меня, высадите, пожалуйста, где-то на дороге, надобно маменьке сигарет купить.

Дальше состоялся диалог, где несколько раз мне сказали, что самостоятельная девонька – это конечно удивление и радость, но иногда стоит слушать, что взрослые дяденьки советуют, так как они лучше и больше знакомы с ночным виноградарем, да и с жизнью в целом.

Ну ок, отвечает Настенька, убедившись, что два из двух ночных киосков заснули. Машина делает разворот и едет куда-то в противоположную от точки назначения сторону.

Вот тут, – говорю я, – как-то совсем неловко стало. Смех у таксиста такой же как и голос, рокочущий с хрипотцой. Ни лица, ни глаз особо не видно. Авто останавливается около ночного магазинчика, о котором я вот вообще не подозревала, что он там есть.

– Мадмуазель может купить нужные сигареты вон в том магазине и вернуться, чтоб я ее доставил домой – говорит

таксист, и я слышу, как он улыбается.

– Мадмуазель уже давно мадам, но признательна вам невероятно, – отвечает Настя, и ей опять становится неловко.

Магазин – яркое пятно посреди темноты. У входа два неустойчивых джентльмена обсуждают преимущество качества над количеством. Внутри стоит продавец с оксюморонным лицом, больше напоминающим спаниеля. Я протягиваю деньги и прошу выдать мне сигареты.

– Сигарет нет, – говорит мне человек за прилавком.

К слову, невротик, который не дремлет, уже составил три возможных неблагоприятных ситуации, словил мандраж, просчитал перспективы, понял, что если баба-дура, то это навсегда, побелел и притворился мёртвым.

– Как нет? – начала блеять Настя.

– Вот так нет. Мы не торгуем табаком.

Сзади звякнул колокольчик открывающейся двери и голос сэра Луи прогремел, аж стекляшечки задрожали:

– Некрасиво ты, Серж, девочку обманываешь. Я же тебе всегда говорил – обманывать плохо. Тем более девочек.

Лицо за прилавком вытянулось еще больше, сползло куда-то под стол, достало нужные сигареты, сказало «извините, спасибо, до свидания» и пожелало хорошего вечера. Когда я выходила, сэра Луи будто и не было в магазинчике и вообще нигде не было. Неустойчивые джентльмены пошатнулись в мою сторону, но раздавшееся, как гром, откуда-то

из темноты «Стоять» моментально отбило желание двигаться, при чём у всех сразу. Когда меня подвезли к дому, сэр Луи на прощанье сказал:

– Я надеюсь, картинки в твоей голове сложатся таким образом, что ты сможешь извлечь полезные знания из опыта сегодняшнего вечера. Самостоятельность – это очень хорошо, но чаще всего она говорит о гордыне, которая растёт из неумения принимать, и это ослепляет. Не показывает реального положения вещей. А ты должна уметь видеть реальное положение вещей.

ГЛУПОСТИ
НАДО ДЕЛАТЬ С
УДОВОЛЬСТВИЕМ
И НИКАК ИНАЧЕ.

однажды

маленькая баба в моей голове вела непростительно длинный монолог на тему: «как открытие третьего глаза влияет на уровень сознания, которое в свою очередь влияет на качество существования, тем самым делая его невозможным», короче говоря расставляла все «за» и «против», так как блаженны не ведающие, а третий глаз, он как бы, если откроется, то хрен его закроешь, потому нужен ли он нам. Надо же заранее просчитать все риски и профиты, как например с вопросом о Нирване, где у меня есть множество претензий и несогласий. Так вот, маленькая баба в моей голове вылазит на табуреточку и вещает. В это время, я готовлю завтраки. А, надо сказать, маленькая баба в моей голове, как Будда на ранних стадиях, не признаёт многовекторную коммуникацию. Ну и на моменте: «Настя, ты должна понимать, что третий глаз с твоим-то зрением – идея мягко говоря говно» я путаю соль и сахар, и полинезийская яичница приобретает некую пикантность. Маленькая баба цокает языком, сползает с табуретки и уходит в угол молчать, кидая язвительное: «а я воспитывала тебя мультифункциональной». Ну так вот, сегодня, значит, делала омлет, да такой, что сам Джейми Оливер не отлучил бы меня от плиты и холодильника. Омлет по всем параметрам получился идеальный как полнолуние. Настенька, значит, радуется, даже

на секунду забывает, что у нее есть нос, лицо и горло, и даже приближается к этому глубокому пониманию, что Нирвана не так уж и плоха в глубинном своём концепте, и в принципе, можно пересмотреть некоторые свои убеждения и тут выходит это. Ставит табуретку по-центру пустой черепной коробки, включает лампочку, и так пронзительно излагает: «Омлет?! Серьёзно?! У тебя в исходном коде прописано: завоевание вселенной и ближайших галактик во славу меня, твоего внутреннего голоса, вечного демиурга, ослепительного разума, безумного гения! А ты взяла и всё испортила! Еще со эпохи „Красного Ведёрка“, когда ты отрубила голову неповинной божьей коровке, я внушаю, что цели должны быть великими, что племя чингизидов кровью по твоим венам бурлит, а ты, как баба: омлет классный, Джейми Оливер меня бы не изгнал из кухни, и вот оно счастье!» И этот неловкий момент, когда твой внутренний голос испытывает урами по отношению к тебе же.

у японцев

очень много интересных слов, что передают душу предмета и его суть, но западному стилю мышления, порой, недоступны. Это явление и восхищает и ужасает одновременно. Например, есть у них сборник наставлений от 13 века. Считается развлекательной литературой с элементом нравоучений. И там в десяти разделах на примерах жизненных разных ситуаций, из всевозможных литературных текстов, неживых уже товарищей, рассказывают, что такое хорошо, а что такое увы. И вот, два последних раздела о разочаровании и излишествах. Причем если с излишествами всё понятно: перенасыщение – зло, и это касается всех жизненных сфер от инстинктивных до духовных. Т.е. почти все японские религиозные ответвления (кроме конфуцианства) порицают чрезмерную увлечённость книгами и науками, про еду, утехи вообще говорить нечего, то с разочарованием\досадой можно хорошенько подвиснуть.

Вот, например, урами, в переводе на русский – досада\разочарование. Но этого не достаточно, так как «урами» – квинтэссенция чувств, вызываемых обстоятельствами, связанными с другими людьми. И вот истории в этом сборнике собраны по оттенкам. Т.е. один самурай разгневался на своего брата, и ненависть его была так сильна, что брат умер. Тогда самурай испытал урами. Один отец похоронил

единственного сына. Он не испытал горя, он испытал урами. И так далее.

Что интересно, японцы сдержаны настолько, что проявление чувств считается неприличным. Потому чувства могут быть показаны только в действиях. Особенно хорошо это просматривается в литературе, например в сказке про Зелёную Иву, где встреча самурая и девочки описана трёхчасовым молчанием и смотрением глаза в глаза, и когда три счастливейших года спустя девочка умирает на руках самурая и оказывается духом Ивы, он молча встает и уходит в паломничество. Не проронив ни слова. Последствием урами всегда есть уход от привычной жизни. Урами считается неблагоприятным чувством. От урами нельзя умереть, но можно от досады. Казалась бы, это одно и то же. Но, технически, урами завершается страхом, и вот этот страх, рождённый на грани соединения с ненавистным, является русским словом «досада». Но не является «урами». Это его итог. И восхищает, что у японцев слово живет за пределами иероглифов.

про медитацию

иногда, я, как настоящее высокодуховное, назовём это – существо ,– обесцениваю всё и всех вокруг себя, а себя особенно упоительно. Т.е. маленькая баба внутри моей головы создаёт тандем садист-мазохист. И это даже не «жертва-агрессор-а, спасателя мы забили ногами», это чистой воды адец. Подозреваю, что в такие моменты со мной даже говорить бесполезно, так как скорбь множить могу/умею/практикую, а фраза «мы все умрём» говорится с такой мельпоменской интонацией, что вот я сама бы с собой только за одно это не говорила. Никогда.

Ну так вот, когда-то очень давно, я пыталась завалить диплом. В этом мне усиленно помогала техника из типографии. Лет мне было – не помню сколько, но младенец уже имелся. Как все понимают, наличие младенца нисколечко не влияет на адаптивность к миру. Всех участников данного процесса я до сих пор вспоминаю с огромным теплом, нежностью, и пусть у них будут множественные радости, потому что карма всё видела. Так вот, мне грозил полный провал диплома, почему-то тогда это казалось жутко важным. Дипломной работой был журнал, который я придумала, написала, и почти что нарисовала, короче, делала готовую продукцию с бизнес-планом. И, разумеется, иначе быть не могло, на мне сломался типографский станок. Вместе с моим жур-

налом. Как Настя поступила? Правильно, как взрослая девонька, вышла на улицу, села на асфальт, закурила сигаретку и упоительно зарыдала. На виду у людей, что характерно. Не знаю сколько это длилось, но рядом остановилась большая, черная машина с тонированными стёклами, и со стороны водителя окно несколько опустилось. Но, Настя не сдавалась. Она же уже почти завалила диплом, и образования высшего не будет, а это (в мире той девочки) равносильно умереть с голода. Некоторое время спустя из окна вылезла голова и поинтересовалась нужна ли мне какая помощь. Кажется, в ответ я продолжала самозабвенно реветь. Тогда голова спряталась, не заглушив мотор открыла дверь и оказалась дядькой с отличным чувством юмора. Короче, я этой вселенной должна как земля колхозу. Дядька со мной очень долго говорил. Настолько долго, что из типографии вышли люди на поиски той, из-за кого сломалась техника, увидели сидящую на асфальте зарёванную девочку, стоящую рядом машину ржущего мужика, и естественно пришли разбираться, не обидел ли кто эту нелепицу. Так вот, дядька этот мне, среди прочего, сказал важные три вещи:

– Я оставался ни с чем столько раз, что тебе, девочка, это может показаться сказкой. Люди, которым я доверял больше всего, пытались убить меня столько раз, что я уже и сам себе не верю. Но это всё фигня, обстоятельства не могут повлиять на тебя, пока ты понимаешь, что обстоятельств не существует. Есть ты и ты ось. Всё остальное декорации. Декора-

ции создают атмосферу, но не создают ось.

– Однажды, ты вспомнишь этот разговор. Лет сорок назад я был мальчишкой, и тоже так сидел. И ты тоже, однажды, встретишь какое-то чудо, что будет размазывать сопли по лицу, и найдёшь нужные слова. А потом, когда ни тебя, ни меня уже не будет – мир станет совсем другим потому что люди научатся понимать простые вещи.

– Медитируй. Это всегда помогает найти слова. Медитация это диалог доведённый до уровня, когда тебе уже не нужно говорить. Ты не должна пытаться усмирить свой разум, не должна рассказывать себе что правильно, что не правильно. Просто иди мой плиту или кафель. Я всегда так делаю, и знаешь, еще ни разу в жизни не пожалел.

Какой же у меня позорно нечистый кафель.

мальчик влез на табуретку и начал декламировать:

– Я президент! Я здесь самый главный! Я делаю всё, что мне говорят…

– Вот так, мальчик мой, ты познаёшь азы политического строя.

– А кто тогда ты?

– А я серый кардинал.

– А мне можно за компьютер сесть?

– Нет.

– Ну, почему?! Почему жизнь так жестока и не справедлива ко мне?!

– Потому что в данный момент я – тиран. И всё будет так, как я хочу.

– Где мой брат? Ты видела моего брата?! Он преступник, и я его словлю!

– Божечки, как я допустила, что мой виртуальный ребёнок стал преступником?! Как я довела человека до такого?

– Та не. Ты всё правильно делала. Просто иногда люди сами по себе нехорошие.

– Я волнуюсь.

– Почему?

– У меня не получается хорошо читать, ты же видишь!

– Ну так уровень моей любви нисколько не зависит от тво-

их умений и навыков. Я не стану любить тебя меньше от того, что у тебя что-то не получается.

– Правда?!

– Ну, вот ты перестанешь меня любить если я не нарочно сломаю какую-то твою игрушку?

– Нет.

– А если я это сделаю специально, ты перестанешь меня любить?

– Нет, но мне будет обидно.

– А если я не смогу построить домик из лего, ты перестанешь меня любить?

– Нет. Я тебе помогу.

– Вот видишь. Так и с чтением. Если ты нарочно путаешь слова – я не перестаю тебя любить, но мне грустно. Если у тебя не получается – я всегда помогу, и не перестану тебя любить. Если ты что-то натворил, я что сделаю?

– Ты не перестанешь меня любить.

я всегда говорю

мироздание благословило меня прекрасными людьми. Весь мой круг общения состоит из самых лучших, самых нежных, самых замечательных людей. Это держит меня на плаву и позволяет двигаться дальше. И вот, день такой, у замечательной моей любимой девочки День рождения. Я со вчера ходила, ждала, думала, чтоб поздравить, сначала текстово, потом голосом: жизнь – удивительная штука. Каждый раз, когда кажется, что вечность будет монотонной – тебе принесут радость и счастье. И вот для меня – ты счастье. Я помню, кто меня учил открывать бутылочное пиво на дереве около русановской набережной. Я помню, кто говорил со мной во время длинных прогулок по каналу ночь на пролёт. Я помню, у кого, на съёмной квартире танцевала под Мьюз, я еще много чего помню, но, Господи, какое счастье, что мы с тобой встретились настолько лично, что от нежности можно разжигать костры. Люблю тебя, моя славная, моя нежная, моя самая-самая.

вот о чём я действительно жалею

так это о том, что не сподобилась купить себе бумажного Геродота. Возможно, даже и не девять томов, а только Мельпомену.

Прекрасный же дядька в плане скептицизма. Это же если по-бабьи грешно додумывать, то процесс написания «Истории» выглядеть будет примерно так:

Геродот ходит по рынку и хмурится. На лбу видно основательный мыслительный процесс. Останавливается около торговца рабами. Молчит и поглаживает бороду.

Торговец: Милсдарь, вы что-то хотели?

Геродот:…

Торговец: Нынче прекрасный выбор! Никаких сирых и слабых! Здоровые рабы для всех видов сезонных работ! Есть рабыни, усмирённые дорогой! Есть строптивые девы. Может мальчики интересуют? Чем помочь милостивому господину?

Геродот: Мне нужны их глаза.

Торговец: Господин приказывает вырвать рабам глаза?!

Геродот фыркает, хмурится еще сильнее, но продолжает смотреть: Откуда они?

Торговец: Вчера судно вернулось с земель, что на севере за Понтом Аксинским.

Геродот: Прекрасно, беру тех, кто проявил способность

к языкам.

Месяц спустя Геродот и откормленные рабы сидят во внутреннем дворике и запивают виноград вином.

Геродот: так ты, значит, говоришь, что за скифией только пустыня?

Раб номер раз: Отвечаю! Пустыня и край мира! Там даже деревьев нет! бабка говорила, что когда-то, вместо пустыни были железные леса, а за железными лесами – страна инистых великанов! Бабка говорила, что она пришла с северо-запада с мужами, похожими на медведей, спасаясь от тех самых великанов.

Геродот: Ну не, парниша, давай как-то без сказок, я тут историю пишу, как бы!

Раб номер раз: Та крест на пузе, реально великаны, они и вытаптывали весь тот лес!

Раб номер два: Ой, ща со смеху помру! Он еще в трюме эти сказки рассказывал! Ничего там не пустыня. Там болото, а за ним леса. А в лесах тех живут язычники что хоронят своих мёртвых стоя и с посохом!

Геродот: Зачем стоя?!

Раб номер раз: Копальхен делают! (ржёт)

Геродот: Что это за диво?!

Раб номер раз: А это, милсдарь, когда тушу свежеубиенного животного оставляют в болоте гнить на определённый срок, чтоб затем не без удовольствия съесть.

Геродот: Какая восхитительная гадость! Так и запишем,

за Скифией живёт племя… Назовём их андрофаги… Пожиратели людей! Замечательно ребята, на сегодня хватит. Идите дальше собирайте оливки.

значит, у меня есть банка

В банке – перспективные шампиньоны, замшелая, трухлявая коряга и папоротник. Перспективными шампиньоны являются только в моей голове, но я верю, что споры, упавшие в землю дадут потомство. А так как грибы были трепетно принесены из парка, то шансы есть. В конечном итоге, не всё ж поганкам расти. Мох на коряге вот вообще молодец, возрадовался и выпустил ризоиды. А папоротник, радость моя, проклюнулся тремя улиточными листочками и пока что согласен жить. Короче – восторг. Так вот, о папоротнике. Выкапывала его в лесу, в последний день лета, потому что кочедыжник. По крайней мере так мне показалось. Кочедыжник, кстати, не совсем тот папоротник, на котором можно было найти огненный цветок, в ночь на Ивана Купала, но он тоже интересный и тоже давал знания (мне не дал, это я так просто, делюсь интересным). В древние времена, отчаявшиеся бабоньки проводили с ним всякие дикие ритуалы. Он, так же, назывался ведьминым корнем (хотя, если так покопаться, любой корень такой). Так вот про ритуалы с плясками и заговорами, которые являются малыми фольклорными формами, но поражают фантазией. Например, за корнем ходили в страшную полночь, наговаривали на него текст типа «Из глуши лесной, мерзкой сырости, кочедыга, появись, в тело злого кого-то вселись», дальше корень несли домой,

три ночи с ним говорили, а на четвёртую выносили и сажали в специальном месте, в каком не скажу, потому что это действительно дико. И пока папоротник растёт, тот, кого пытаются извести – медленно изводится. Короче, по лесу походить, много странного о людях можно вспомнить и узнать.

Утро. Дорога на работу.
– девушка, здравствуйте!
– не здравствуйте.
– я вижу вам нужна новая работа!
– я же, вроде, сказала – не здравствуйте!?
– нам нужны такие сотрудники как вы!

– (восклицание высоко интеллектуальной девоньки) чё?!!
– ну, с вашими данными, вы будете отличной секретаршей!
– с моими данными на ваш офис нападут саламандры и не оставят ничего кроме пепелища.
– а как они это сделают?
– пиротехнически.
– ой, простите, кажется, я ошибся.

сидела в парке

смотрела, как кормят уток. Среди стаи было несколько чёрных утиных подростков с белыми полосами на клювах. И тут я увидела его. Победителя по жизни, героя моих детских грёз. Утки, они как плавают? Будто по глади скользят. А этот, прелесть моя, был весь под водой, только шея торчала. И вот он плывет изо всех сил, будто пытается не утонуть, но плывет же. Схватил булку, вылез на камень, перья во все стороны и ест. И вот видно по птичке – смог. Победил.

при шизофрении

мозг человека не способен видеть оптические иллюзии. От слова совсем. А вот искажение реальности и самообман есть признак (условно) психически здоровой личности. Даже мозг протестует против реальности, добавляя в неё иррациональное.

Так что, все, кто нервничал о возможном наличии данного заболевания (передаю привет подруженькам невротикам и ипохондрикам), будьте спокойны. Ну, или не будьте.

вот у меня собака была

когда-то очень давно, пудель такой, размера той. Характер мерзкий, должна сказать. Мстил, глядя в глаза, т.е. не то чтоб исподтишка, но каверзно так, и смотрел на реакцию. Когда ему категорически не нравилась реальность, он подходил к цветам и отрывал им головы. И выплёвывал, разумеется. Звали его по чётным – Фред, в честь Меркури, по нечётным – Фройд, в честь великого и ужасного. Так вот я всегда поддавала сомнению телегу, что животные похожи на своих хозяев, а хозяева – на животных. Во-первых, потому, что характер, думала я, у меня не мерзкий, во-вторых, отрывать головы мне не нравилось даже цветам. Так вот, знание приходит, как и осознание, довольно поздно. Потому что, в минуты злости, я люблю есть. И не так, как те заиньки, что заедают свою печаль, наполняя себя, а именно злостно откусывая и тщательно пережевывая тот элемент, что привёл меня в бешенство. Короче, уничтожаю под видом пищи реальность, которая мне не нравится. Как покойная собаченька моя, пудель такой, размера той.

чтоб не разочаровываться – не очаровывайся

Известная схема и достаточно простая истина. Это закономерно, если речь идёт о впечатлениях и ожиданиях. И совершенно бесполезна в вопросе любви. Потому что не за что-то, а просто так. Так сошлись звёзды. Я всегда ставлю в пример своих котиков. Вот я люблю котиков. Мне пофигу, любят они меня в ответ или нет. Я отдаю себе отчёт, что я всего-то поставщик пищи и впечатлений. Потому что, на самом деле, любовь – это дело личное. И человек сам выбирает, как это реализовать: в радость ли, в страдания ли. А всё остальное, на самом деле, мелочи. Потому что ты же любишь, и это важно. Твой опыт важен. Так вот, котики. Котики подложили мне такую мощную грусть и печаль, это даже не назовёшь разочарованием. Это никак не назовёшь, кроме как – печаль. Я посмотрела на них сверху вниз, и сказала: извините, ребята, не знаю, кто из вас это сделал, но ко мне не подходите. Я отдаю себе отчёт, также, в том что они хищники, у них инстинкты и прочее-прочее. Но, я просто могу не хотеть коммуницировать. Это не значит, что я в этот момент люблю их меньше, или внезапно перестала вообще, это значит, что в данный момент себя я люблю больше, и мне надо отгоревать, качественно. Так вот, знаете, как котики на этот мой

вполне человеческий закидон отреагировали? Они ходят вокруг меня полдня и пытаются залезть на руки и заглядывают в глаза. Вот тебе и односторонняя любовь. Но нифига, я – скала.

здравствуй, суббота зануды

На правах жевательной резинки для мозга.

Вообще, я жутко люблю докапываться до фольклора. Т.е. всегда интересны истоки того или иного литературного явления: вот эти причинно-следственные связи, сравнительные характеристики и общие черты по этническому принципу. В одной монографии, какого-то фиг знает какого, то ли 1865, то ли 1869 года, автор сопоставлял древнегерманскую богиню Гольду-Берту с Бабой Ягой. Работа отличная, и по большому счёту – более чем правдоподобная. Среди прочего там объяснялось, почему именно детей пугали Бабой Ягой. По древнегерманским преданиям, Гольда приводила и уводила души детей, со временем эта функция прикрепилась и к Яге. Но так как видели ее только умирающие, то понятно, что образ принял черты антигероя. При том, классические функции Бабы Яги – это, разумеется, инициация героя. Ну так вот, в той же монографии разбиралась детская присказка «сорока-ворона, кашу варила, деток кормила. Этому дала, этому дала, а последнему не дала, на небо унесла». Понятное дело, со временем эта история обросла морализаторскими подробностями и несколько видоизменилась, да и функция изначальная была утеряна. А заключалась она в подготовке детей к смерти братика или сестрички. Т.е. это был игровой способ объяснения смерти. И напоследок. Счита-

лочки. Прикладной литературный жанр так как имеет определённую функцию – распределения обязанностей. Вероятнее всего, родился от заклинаний. Более того, в них добавляли определённые, выдуманные слова, которые должны были решить ту или другую проблему. Из-за чего, собственно, и не всегда был ясен смысл. Сила слова, что прошла через поколения, видоизменилась, но всё-равно живет.

Эники, беники ели вареники,
Эники, беники съели вареники,
Эники, беники, хоп!
Вышел зелёный сироп.
Эни, бени, рики, таки,
Турба, урба, синтибряки,
Эус, бэус, краснобэус, Бац!

сходила на базар

и купила зелёного, красного и острого. А еще персиков сорта «белый лебедь». Шла в морковном платье с голыми плечами, таяла под августовским зноем и думала, не заснуть ли под трёх мушкетёров.

Медленно, со скоростью роста баобаба, осознала, что таки имею аллергию на хвойные. Огорчилась, ведь сварить и попробовать варенье из шишек было планом, и достаточно неплохим. Теперь, конечно, интересна реакция. Кстати, баобаб из семейства мальвовых – это те цветочки, что на картинах Шевченко, да и вообще, возле каждого тына росли и растут. Красивые, грустные цветы.

А средняя продолжительность жизни баобаба – тысяча лет. Хотя углеродный анализ показывает, что большинство деревьев в саванне имеют возраст 4,5 тыщ лет.

Вот кем бы я не согласилась быть, так это баобабом.

Но, блин, аллергия на хвою, это как аллергия на существующую реальность. Абсурд же.

или грибная похлёбка

(Господи, за что ты так жесток к нам, мечтающим об осиной талии???) Это же невозможно. Ты же пока нарезаешь тёмные шампиньоны, обжариваешь в сливочном масле лук, присыпаешь его мукой, а он, в терракотовой кастрюльке под деревянной лопаткой переливается золотыми кольцами, и ароматом наполняет кухню. И жар от плиты бьет тебе в лицо; и ты бросаешь к луку нарезанные на четыре части, по каждой стороне света, грибы, и ножки их на глазах белеют еще больше, а шляпки – темнеют. И ты перемешиваешь это всё шуйныйм способом, и добавляешь воды, а потом сухих трав, и свежего базилика, и веточку розмарина, что растёт а подоконнике. и оставляешь томиться под крышкой, а в кухне уже пахнет осенью. Пахнет грибами и хвоей. И ты наливаешь её, похлёбку, в зелёную, с толстыми стенками, пиалу, натираешь сверху сыр. И всё. и капец. Дальше ты доказываешь себе, что, как взрослая Женщина (заметьте – с большой буквы Же), способна устоять перед соблазном. Что, как взрослая Женщина, тебя не сбить с намеченного пути, где ты не ешь то, что готовишь. Не потому, что опасно для жизни, а потому что, как взрослая Женщина, ты знаешь, стоит только один раз дать слабину и прощайте, любимые джинсы, привет, спортивные штанишки. И, как взрослая, самостоятельная, неглупая баба, ты зовёшь своего сына и драматич-

ным голосом говоришь: На обед грибная похлёбка.

– Фуууу… – говорит сын и, скривив физию, уходит.

И дальше, уже с чистой совестью, не выбрасывать же, право слово, ты поедаешь это чудо кулинарии, и слёзы на глаза наворачиваются. От счастья. Того, о котором в книге про распознание психических неполадок, написали – нарушение когнитивных функций.

трагическое

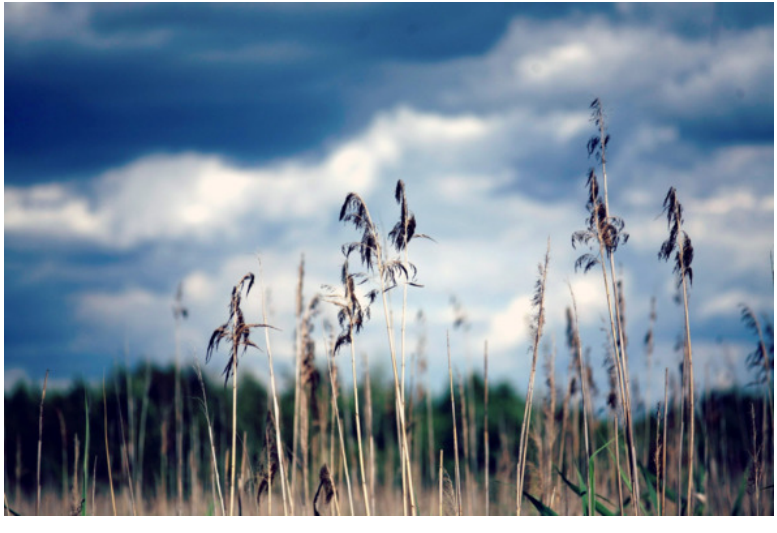
Пусть в следующей жизни я буду бабонькой, что не умеет готовить. Никаких этих лечо, в который, если добавить сушеного сельдерея, можно просто умереть от счастья. А если его (лечо) выложить сверху на печёную молодую картошечку с травами, и мясо жареное во фритюре, в кляре, и баклажаны из духовки. Зато тонкая, звонкая и куча свободного времени, а не вот это вот: придумал, приготовил, сожрал.

предсмертные стихи самураев – то еще явление

Например, есть в японской культуре такое понятие как «моно-но аварэ» – грусть вещей, в дословном переводе – печальное очарование вещей. Изначально, проявления моно-но аварэ были характерны для литературы, но со временем распространились во все сферы эстетически-культурной жизни. Для понимания слово «аварэ» нужно сделать ремарку, и уточнить, что японцы со своей интуитивной философией очень чётко следуют двум понятиям: макото – суть вещей, не бытийность, таинственная их красота и кокоро – чистое сердце, что способно не изображать действительность, а именно передавать ту самую суть. Так вот аварэ – это взволнованность от понимания сути вещей, т.е. моно-но аварэ это всегда об ощущении счастья и его конечности. Потому что как завещал нам кодекс бусидо: конец важен во всех вещах.

Предсмертный стих?
У тающего снега
Нет запаха…
***
Пускай сто раз
По десять тысяч лет
Продлится сон мой.
***

Поскольку все в этом мире —
Лишь кукольное представленье,
Путь искренности – это смерть.



Не я: 18 есть?
Я: 30 есть.
Не я: снимите очки.
Я: да пожалуйста.
Не я: что, серьёзно 30???
Я: да какие тут шутки могут быть, когда с утра все что у тебя есть это спина плача?
Не я: эх, понимаю. вот ваш лаки страйк. Хорошего дня.

сверчок живет за холодильником

Душные южные ночи, песни цикад, ужины при свечах всей семьёй и сангрия из холодильника – малая толика того, что принесла это банановая фигня в наш дом. Потому что нужно поддерживать атмосферу. И мы качественно её поддерживаем. Правда, как настоящие северяне – пока без страстей и кипящей крови. Ну так вот, пока ящер (напомню, что зовут его Иствуд) не переехал к своему старшему брату, сверчок скромно сидел в углу и то ли троллил, то ли стеснялся. Как наглая динозаврья морда пошла покорять вершины искусственных скал, сверчок осмелел и перебрался за холодильник. Там, вместе с птичками, они создали вокальный ансамбль. Назвала его «Безнадёга». Одним утром проснулась от звуков отвратительной музыки. То ли кто на пиле играл, то ли пятилетка скрипел скрипкой, то ли в памяти всплыло лето в подольской коммуналке, но музыка была ужасная. Хоть плачь. И я, не открывая глаз, спрашиваю у мужа, мол, где это разверзлись врата в преисподнюю, что оттуда вырываются такие жуткие звуки?!

– Это птички поют. С добрым утром, смотрительница альтернативного зоопарка.

терпеть не могу лето

Потому что сплошное расстройство и разочарование.

Вот заходишь, к примеру, в магазин и всё. Маленькие помидоры красными кляксами, наливными бочками блестят на прилавке. Перцы – идеальны в своей кубической форме – восковые, плотные, с зелёными черенками. Баклажаны. Слабость моя. Баклажаны, цвета глубокого пурпура – не большие и не меленькие, аккурат размером с ладошку. И ты такая, девонька в витражном удивлении, стоишь. Собираешь кулёк помидоров, сливок, красненьких, чтоб сделать баночку вяленых помидор. Вдуматься только – вяленых помидор – баночку. Что ж за издевательство?! Нужно по меньшей мере три баночки. Значит, нужно три кулька помидорчиков. И перца красного, острого, как язык обиженной женщины. И зелени побольше, а то куда же столько красок и без палитры зелёной?! И сразу же можно Аджапсандали сделать. Раз уж столько томатов тянуть. Значит, и кабачков надо взять. Нежных, свежих кабачков со шкуркой цвета зелёного чая. И базилика побольше. Потому что без базилика же томат – не томат, а баклажан заплачет. И раз уж базилика столько, то нужно и муки взять – испечь хлеб с базиликом и томатом. А как же без мяса всё это?! Значит, курицу нужно сделать в кисло-сладком соусе, с имбирём. И стало быть, раз всё так красиво, то без бутылочки белого сухого таки нельзя

обойтись. Короче, и это же только отдел овощей. Заходит такая псевдоинтеллигентная девонька, а вылетает растрепанная фурия обвешанная кульками с горящими глазами, потому что нужно прибежать домой, до того как усталость и лень перебьют восхитительные ее мечты. В общем, зимой живётся много проще.

девонькой быть

очень тяжело, хочу я вам сказать. Вот ваще – печаль.

Хочу есть, баклажаны печёные с помидорами, сыр, на ручки и винишка Люстдорф, спать, лежать и читать, и книги стогова и маркеса про грустных шлюх. и это всё одновременно.

И черешенку, да, без черешенки ваще не то и жизнь – не жизнь…

вчера вычитала

что древнеегипетская религия была монотеистической. Удивилась, но не сдалась. Значит, центральный бог – Амон, сначала был богом тёмного небесного пространства, потом, при новом царстве его сделали солнечным. Так вот, по одной версии, все эти Горы, Сеты, Осирисы, Изиды – только составляющие центрального бога с соблюдением положенных характеристик и черт. И вынесены они для того, чтоб среднестатистический древний египтянин не потратил всю жизнь на осмысление идеи, а просто и спокойно знал и чтил все ипостаси Амона. Не, но какова идея же! Восторг же!

О том, как умирали боги.

Значит, в домусульманскую эпоху, у арабов была женская триада. Аллат, Алузза и Манат. Первая – богиня неба и дождя, была общесемитской, остальные – больше региональными. Алузза значит несокрушимая, а Манат – вестник смерти. В шестьсот не помню каком году Мухаммед приказал уничтожить идолы и стереть триаду из памяти, хотя до того их пытались-таки втиснуть в Коран, как дочерй Аллаха. У кельтов, которые за царя гороха при иберийцах основались на островах, тоже была триада. Бадб, Немаин и Маха. Что в общем соответствовали валькириям. Так вот кельты, со временем и не очень радостным развитием истории, превратили их в Банши.

Например, Гумилёв (тот, что сын) говорил Ахматовой так: «Мама, не королевься, пожалуйста!» И вот в это «не королевься» засыпает со мной, просыпается со мной и ходит по улицам уже который день.

Сегодня к этому прибавились угри. Они, значит, родившись в Саргассовом море, больше года плывут в Европу, чтоб по рекам уйти в глубь материка. 20 лет спустя, угри спускаются в океан и возвращаются в Саргассово море, где нерестятся и умирают.

ящер охотится как бог

Бог карело-финского пантеона, который и не бог вовсе, а скорее гений-покровитель. А у нас какая Настя, такой и гений. С утра 20 минут целился в сверчка. Сверчков – 5. Нехитрые математические манипуляции с моей стороны закончились громким ржанием. Птички подпевали, коты подстанывали (они пока не пожрут полноценно – стонут и имитируют смерть), но вернёмся к ящеру. 20 минут подготовки, потом рывок к цели, и вот, наш свободолюбивый – жуёт засохший сфагнум. Пойду, в общем умоюсь слезами, и понадеюсь, что ящер найдёт сверчков раньше, чем те от безысходности решат утопиться. А то и такое бывало.

лежу

Над головой пролетела муха, нагло задев бровь крылом. «Стерва», – подумала я. Чихнула. Громко. Если бы соседи не стеснялись, сказали бы «будь здоров». Вспомнила, как предыдущий час бегала по кухне в поисках пропавшего ящера. Нашла. В стопках детских заначек (бумажных). Что-то снова прошумело над головой, присело. Не муха. Забыла, как в народе называется, чтоб прилично, но от девичьего визга оно улетело почти само. Лето пришло. Ура, товарищи.

импозантный, пожилой

(как он сам выразился) мужчина решил сопроводить меня через парк и изящно намекнуть, что читать на ходу – идея такая же плохая, как и есть много арахиса, в виду содержащихся в нём опасных микроэлементов. За короткое время успели обсудить его работу в НИИ, пользу любознательности, пару книг и кулинарию, и даже поговорить о любви. Как девонька с пунктиком на еде, я, конечно же, запомнила всё что касалось кулинарии: штрудель «восточные мотивы» с тыквой. А самое главное, вот ту книгу, что написал человек, отправившийся в Африку лечить от проказы, но при том был археологом и композитором и великолепно играл на органе – благополучно забыла. Но второе слово в названии было «жизнь». Вдруг, кто знает, о чем речь, была бы страшно признательна.

А мужчина откланялся на берегу озера, где его приятели бодро принимали водные процедуры, фразой: Ну, я довёл юную девушку до обнажённых и спортивных, дальше уж как-нибудь сама справишься.

40 минут тишины. По 56 слов

Четвёртый десяток. И самые древние камни рассыпаются в песок, ударяясь об эту стену. И от грохота содрогаются тела человеческие и выступают на них багровые слёзы пота. И нет ничего важнее. И нет ничего страшнее. И замесили нас по образу и подобию своему, из того песка да багрового пота, поставили на твердь, вдохнули жизнь и пустили бродить по миру – искать суть. И мы нашли.

Третий десяток. «И не знал Эвклид, что, сходя на конус, вещь обретает не ноль, но Хронос». Потому что сингулярность всегда только точка. И в точке этой есть только время. И только его нам, подобным, не хватает. Только его. Зная о конечности времени, я могу взойти на эту стену и слушать, как осыпается песок. Но я не сделаю этого.

Второй десяток. Всё, что ранит тебя – делает тебя слабее. Всё что ранит тебя – упрочняет стену. И нет ничего важнее. И нет ничего сильнее. Когда был сотворён человек – был он слеп и пол. И Дух вошёл через черные дыры глазниц. И я смотрю в глаза свои, и спрашиваю: Что тебе сниться, миленький? В кого ты веришь, маленький?

Первый десяток. И он смеётся в ответ. Шуршит песком. Бьёт камнями. Тело моё саднит. Я закрываю глаза, делаю шаг. Потому что только большие потрясения делают человека человеком. Потому что это единственная понятная духу

шлифовка. Только когда ты остаёшься жалок, наг и убог, ты находишь суть.

Ты узнаёшь, что сам есть стена. И самые древние камни разбиваются о тебя.

Ноль. А времени всегда недостаточно, чтоб понять – ненависть и ты едины. Едины настолько, насколько ты не позволил себе любить. И ненависть твоя стирает в песок камни. И от грохота содрогаются тела человеческие и выступают на них багровые слёзы пота. И нет ничего важнее. И нет ничего страшнее. И когда рушатся границы Хронос стоит на острие конуса.

Сын вчера: мне приснилось, что цены в магазинах стали такими большими, что прибежали и съели меня.

Ты даже не знаешь как прав, мой мальчик.

детство пахнет

жаренной мойвой. Ничто после и ничто до тебе так об этом не напомнит. Жареная мойва. Когда дом кирпичами уходит в солнце, а ты где-то внизу, и деревянные рамы распахнуты настежь, и там за ними суета, сковорода и огонь газовых плит киевской коммуналки, а ты внизу, и тополиный пух останавливает время, которое ты уравниваешь качелями.

Или вот оно, твое лето. Пыль поднимается до колен. Последний дождь случился месяц назад. Ты несешься, сверкая ободранными коленками по дачной улице, и джинсовый комбинезон весь в пятнах шелковицы. Там жарят мойву. Там запах свежих огурцов. Тебе около 12 и ты возвращаешься домой.

А потом, вот она, весна твоя, ты приходишь с первой своей работы. Взрослая, натянутая. На кухне родители смеются и жарят мойву. Ты отгавкиваешься, закрываешься в комнате, и страдаешь о своих непонятых 18 годах. А потом тебе почти уже тридцать. Сын засыпает под сказку про Ронью. Муж на кухне жарит мойву. И ты закрываешь глаза, и будто не было всего этого. И лето но дворе. И ты бежишь босиком, спотыкаясь об камушки, и солнце в лицо, и по радио «Сердце твое двулико, сверху оно набито, мягкой травой, а снизу каменное, каменное дно».

По прогнозу – облачно

и с прояснениями. А тебе никогда больше не станет достаточно ясно, так ясно, как было до того. И облачно никогда не станет. Так, как было до того. И вот ты стоишь, что-то среднее между вызовом и отчаянием, и смотришь, как в луже пробегают облака. И небо над тобой уже у тебя под ногами. И всё славно, и всё складно, но только зачем? Над тобой открываются форточки, под тобой – овраги. Над тобой ничего, под тобой – ничего. Я говорю: и покачивались они, раздавленные весной на дне зимы… Тебе даже отвечать не нужно, и так всё понятно. Бентос всегда о том, что тебя толщей придавило ко дну. Бентос всегда о том, что там, где есть тишина, есть несопоставимое с жизнью давление.

Ты теряешь. Постоянно что-то теряешь. Деньги, серёжки, память, кольца, браслеты, людей. Себя часто хочешь потерять, но это перестало быть возможным какой-то зимой. Когда в тёмном переулке, сверху падал снег, желтел фонарь и чернели деревья, а тебе хотели подарить чужую медаль. И тогда ты смотрела на себя сверху. Смотрела, и опадала белыми хлопьями на землю. Тогда было с излишком, но казалось – не достаточно. Сейчас – достаточно. Но без ясности. И без излишка.

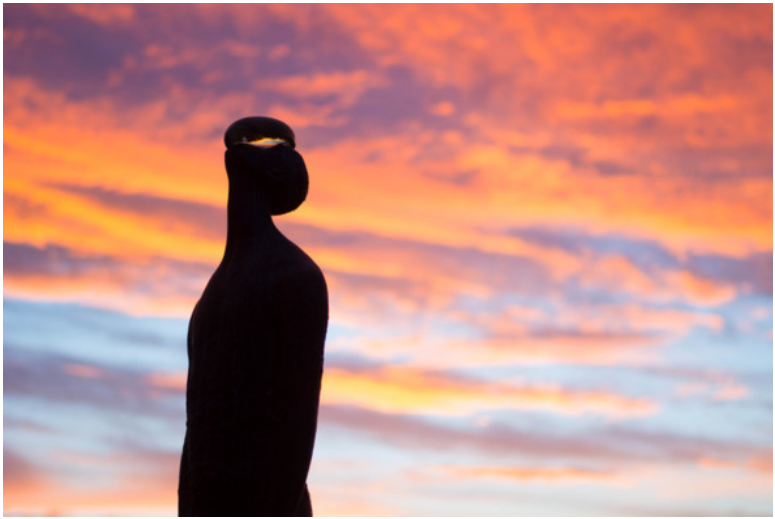
Всё, что нас не убивает – нас убило. Просто захотелось не заметить и проскочить, перепрыгнуть. Всё, что нас не уби-

вает, похоронено под плинтусом.

В среднем, за все прожитие дни, в доме твоём не должно остаться свободного места. В мире не должно остаться свободного места. Но ты теряешь память. Память уносит с собой иллюзии, оставляя только калейдоскоп картинок, оборванных слов и эмоций. Память твоя – оголённый нерв. Ничто не задержится в ней если ты обрела покой. Особенно, если ты обрела покой.

Даже когда ты говоришь «я умираю» – я верю тебе. Я вижу это. Я беру тебя за руку и веду за собой, потому что я помню тебя. Каждую тебя. На прощанье ты говоришь: А меня тебе не победить.

И я верю тебе. Я видела тебя несчетное количество раз. Встречала и провожала. И я улыбаюсь тебе, у меня под плинтусом еще много места.



ну что, вот уже легендарное

Сегодня девять лет, как тебя убили. Через месяц девять лет исполнится твоему внуку. Я все еще учусь понимать тебя. Уже, правда, через него. Ну, и через себя, разумеется. В этом году всё по другому – ни слёз, ни истерик. В этом году я тебе насобирала ворох историй, все через одну смешные. По утрам рассказываю их галкам в парке. Они несут эти истории воронам в лес. Там, на ветке, сидишь ты и смеёшься громким смехом. Внук твой собрался жениться. Снова. Говорит, когда вырастет построит машину времени и вернётся в прошлое чтоб познакомится с тобой. При этом, всё рассказывает, что скучает по тебе. Я киваю, и спрашиваю возьмёт ли он меня с собой, обещает, что да. Жена твоя творит чудеса – лепит кукол, придумывает сумки, подушки и чудеснейшие кожаные коробки. Расписывает красками и много курит. Я порицаю, но ты же знаешь, она у нас кремень в своих убеждениях. Иногда, я встречаю тебя в знакомых и не знакомых лицах, очень радуюсь всегда. Я уже не жалею, что ты всего этого не видишь, потому что ой всё. Тут у нас, знаешь ли, как вселенский потоп и вавилон в одночасье. Я теперь много думаю, что однажды поеду на Камчатку. Для тебя, и для себя. За нас двоих. Еще думаю, что дед твой с севера, да спросить уже не у кого. Но и это не важно, рано или поздно всё станет простым и понятным. Внук твой, по ми-

роощущению – вылитый ты и это прекрасно. И мне от этого спокойно. Девять лет я вынашивала эти знания, девять лет искала тропинку к тебе, а оказалось, ты вот здесь, всегда рядом. Мы все очень тебя любим. Я уже не скучаю, а мама еще очень.

Не прощаюсь. Будь спокоен, идущие за тобой не забудут тебя.

Ну, и с праздником тебя, невидимый воин.

жизнь как сказка

И вот, рождаешься ты, главный герой, персонаж. Румяный, озорной. Растёшь слишком медленно по своему впечатлению, слишком быстро по наблюдению других. Грозы сначала тебя пугают, потом захватывают, потом утешают. Ты пьёшь молоко на завтрак, потом перед сном, а потом, только, когда болеешь. Ты любишь лужи. Потом книги. Потом людей. Потом не любишь. А потом узнаёшь, что слово не передаёт суть, а суть – ого-го. Суть-то, как океан. И ты запиваешь молоком своё открытие. И засыпаешь с температурой. И снится тебе дракон – твой самый главный страх. Или не снится даже, однажды, ты находишь пещеру. И от страха захватывает дух. И любопытство толкает в спину. И ты тихо-тихо крадёшься, а духу не хватает не то что заглянуть внутрь, глаз поднять. Так и топчешься у своей пещеры, изучаешь камушки, следы. Представляешь, какое огромное там чудище сидит. Твоё собственное. Чудище для самой важной битвы. Твоей битвы. В это время ты уже подозреваешь, что там в пещере, в темноте нет никого. Точнее есть, и ты очень хорошо знаешь того, кто там. И не чудище вовсе, а ты. Бледный и сутулый. И торчат из тебя огромные топоры. Множество топоров. Но, глаз ты ещё не поднимаешь. Всё еще страшно. Топоры твои – это все незавершённые дела, все ситуации, где тебя победили, где облажался. Ты хмуришься,

задерживаешь дыхание. Смотреть неприятно, хочется убежать. Но ты же герой. И ты скользишь взглядом выше и выше, и встречаешь второе чудовище, и этот страх парализует. Ты не знаешь, кто из вас настоящий – ты у пещеры, или топоры в тебе. И от этого каменеешь. Конечно же каменеешь. Чудовище посмотрело на тебя. Ты не разобрал еще сколько тех топоров и как велики они, но кажется будто сорок сороков.

И на самом деле не важно кто ты в сказке – герой ли, чудище ли; та, кто испепеляет взглядом, та что обращает в камень. Ты это камень под ногами и топор в спине. Ты это ты.

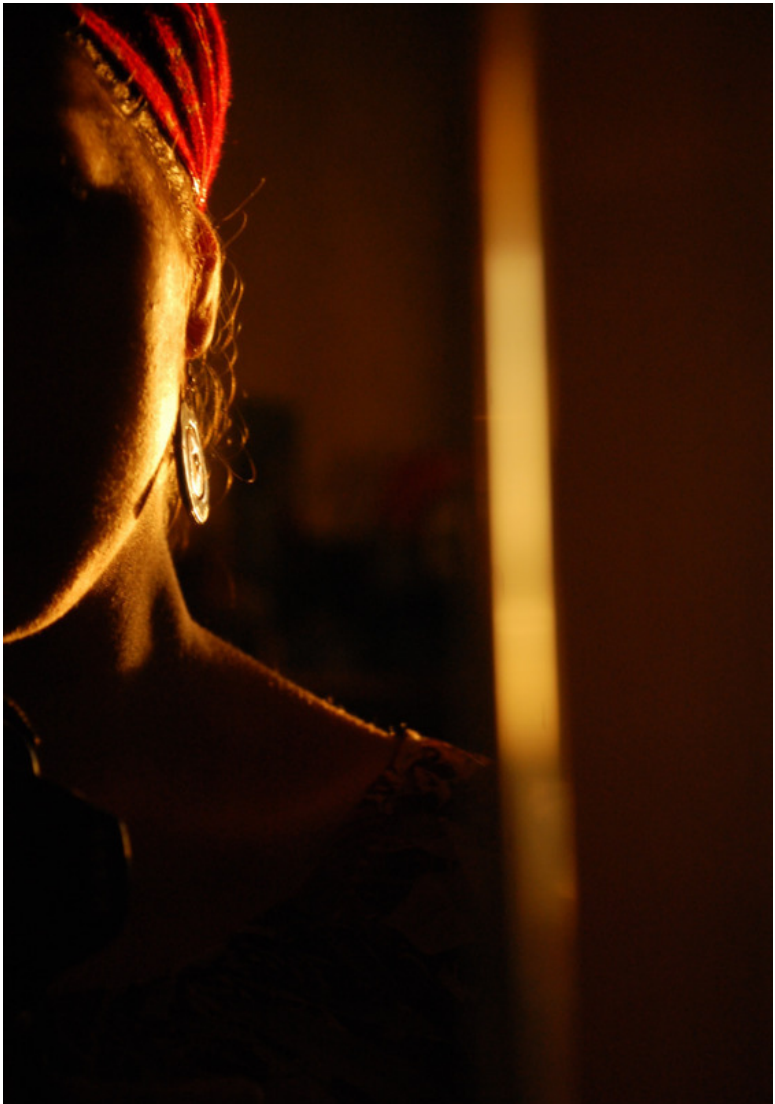
Или вот тебе другая история.

На берегу большой реки жила мадьярка. И родилась у неё дочь. И было у той мадьярки всего вдоволь, только люди были в диковинку. Девочка росла с той же скоростью, с которой мадьярка старела. Уже на шее луноликой зазвенело манисто, в косы вплели ленты. Мать вышивала ей серебром рубахи и юбки. Когда-никогда, через реку переправлялись женщины, чтоб просить совета у старой мадьярки. Кто за сына, кто за мужа, кто за себя. Просили деяний у старой мадьярки, кто на слёзы, а кто и на радость. И все до одною любовались дочерью её. Вот однажды пришло время умирать басорканке. Подозвала она дочь свою и говорит:

– Ты, конечно, сделаешь по своему, так тому и быть. Но когда подумаешь, что у тебя ничего не осталось – возвращайся домой. Мыслями и возвращайся.

Ты, конечно, сделаешь по своему, так тому и быть. Но когда почувствуешь, что у тебя ничего не осталось – возвращайся домой. Сердцем возвращайся.

Ты, конечно, сделаешь по своему. Но когда у тебя ничего не останется, возвращайся домой. Пусть тело твоё вернётся домой. А дом твой будет там, где мысли твои и сердце. Возвращайся до тех пор, пока не соберёшь все вместе. Как соберёшь – станешь неуязвимой.



о любви и смерти

Мальчик со мной говорить любит. А я часто глухая и слепая. Часто такая вся драматичная, такая вся в себе, такая не здесь. А он мудрый воин, он просто говорит. Даже если я прошу молчать, он всё равно говорит. Ну и вот как-то лежу, болею. Вся такая вещь в себе. Вся такая Тургеньевская, Муратовская. Чёлку обрезала. Глазными яблоками под веками вращаю. Тревожный ум – беда для тела. А мальчик строит из лего дом очередной, и невзначай так, типа себе под нос, говорит:

Вот чтоб было проще понимать – надо представить, что любовь это девочка, а смерть это мальчик. И они вечны. Девочка никогда никуда не уходит. И мальчик тоже. И когда кажется, что любовь закончилась это не так. Это просто кто-то больше устал и очень сердится, потому что обижен, и чтобы человек это понял – приходит мальчик.

давала мальчику
задания ежевечерние —

придумать и рассказать мне сказку. Но такую, чтоб правильную, а не из одного предложения типа: «Жили-были-умерли-конец», а то такое он тоже может. Ну и, в общем, ходил-ходил, думал, приходит рассказывать:

Когда-то давным-давно был бог великой воды. И была у него жена. Красивая, но ничего она не делала. Вот вообще ничего. Иногда даже мешала. Разозлился однажды бог, и превратил её в маяк. Потому маяки красивые, всегда работают, и океан их не трогает.

Я считаю – это лучшее, что я слышала про маяки.

ночью снились

змеи, картошка, тёртый сыр и заблудшая сестра. Я сидела в кинотеатре и смотрела фильм про детей и взрослых. Смеялась, и говорила, что страшнее змеи может быть только младенец до года. Женщина с ребёнком на руках обернулась и зашипела: «ну спасибо!». Кто-то дернул за плечо, сказал – «ты горишь», я отшутилась, не до того. Мне сейчас выходить на улицу, там лето. Зеленые листья свисают над асфальтом, разбрасывают фиолетовую тень. Сыну три года, у него длинные волосы и он смешно ходит. Мне 23. Я легка, как пёрышко. Меня к земле тянет только детский велосипед.

Сестра говорит: «я хочу есть. Только не у папы, там не вкусно, там как-то так готовят, чтоб больше никто не попросил». Я жарю ей картошку, от плиты жар, на шее у меня маисовый полоз, солнце светит через окно. Думаю, что вот у моего папы всегда вкусно готовили. Меня снова дёргают за плечо, сестра подносит чашку, говорит – пей. Я всматриваюсь в чашку, в черноту, и слышу, как шумит море, закрываю глаза. Открываю глаза, в комнате полумрак, я знаю, что за окном падает снег. Муж протягивает градусник и повторяет «У тебя жар».

Я закрываю глаза. Снова лето, я в комнате, где жила в детстве. За оком – река. Окно нараспашку. Я сижу на кровати, всматриваюсь в обстановку, всё как в мои восемь. Чай-

ка влетает в окно, протягиваю ей руку, она делает несколько кругов по комнате и садится рядом на стол. Я знаю, к чему снятся чайки, хоть и никогда не думала об этом. Гоню её обратно, в открытое окно, к реке. Чайка оборачивается вороном и улетает.

Я открываю глаза, и опять зима.

«Мемуары сверчка»

Пошёл погулять в большой мир. Увидел диковинных существ. Удивился. Дылда издала странный звук. Кот говорит, что это вопль ужаса. Меня боятся. Я владыка этого

мира.

Спорил с котом. Кот считает, что владыка – он. Как самый древний из клана. Назвал дылд рабами. Увидел еще одно серое пятно. Пятно удивилось и выпучило глаза. Наверное, с двумя такими шарами – очень неудобно жить.

Так называемый владыка спасался бегством от дылды. Как я понял, он словил птичку. В его-то возрасте.

из жизни натуралиста-неудачника

У всех живущих в нашей квартире есть домики. Никто в тех домиках не живёт. Когда Настя радуется, что живности понравился домик, и она (живность) там – значит, кто-то совершил побег. Однажды сбежал геккон. Последующей драмы словами не передать. Спустя пару дней ящер был найден в штанах. Настиных. Ночью сбежали птички. Как – загадка. Утро вторника началось с зарядки в процессе отлова птеродактилей. Две из трёх отловлены. Не котами. могу сказать, что автор фразы «лучше синица в руках, чем журавль в небе» – никогда не ловил маленьких птичек.

капитан очевидность вещает

Значит, в фильмах всё врут. Когда героиня вфигачивается лицом в дверь, отлетает, а десятименутием спустя уже бодренько чешет куда-то – всё не правда. Проверено на собственном опыте.

Настя любит слова

Слова Настю – не всегда. Иногда попадаются интересности: шайтан шушке – так у мордвинов называют одолень траву, т.е. лилию болотную. Жичи, у предков наших, называли болото. Дорогожичи, как местность, располагалась около болота. Джолы, тюркское слово, значит – дорога, путь. Ханджолы – дорога хана. Грынджолы, в этом ракурсе, просто прекрасны.

Вчера, в поисках поликлиники, попали в часть района, где не была лет 13. И еще столько же не была бы. Тлен и серость мы приносим людям, называется. Когда выполняли план застройки, уверена, рассчитывали на массовые самоубийства и сокращения населения. Потому что там даже если зелено – убиться от тоски охота, а когда серо – и подавно. Нашла одно зелёное пятно, оказалось – голубятня. Заблудились между домами. Подняла голову, смотрю – окошки чёрного хода махонькие, краской затёртые, домишка – в девять этажей, и что-то смутное начало крутится в голове, не доброе. Осмотрелась, и правда, стою перед домом где жил Л. Стою и думаю, хоть бы маму его не встретить, хоть бы не вымакивать всё это ведро слёз. Схватила мальчика за руку и бегом бежать, подальше от этих жутких историй. Нашли поликлинику – аншлаг. На дверях, местами, люди с юмором при-

собачили знак биологической опасности. Я бы улыбнулась, но трубы за окном, напомнили, что это не совсем шутка.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.